

© 2018 г.

Б. А. АЧКИНАЗИ

МИРОВАЯ ВОЙНА И ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОГО БЛОКА ВО ФРАНЦИИ (1918—1919)

Ачкинази Борис Александрович — доктор исторических наук, профессор Крымского республиканского Института постдипломного педагогического образования» (Симферополь, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001410-9

По окончании Первой мировой войны в политической жизни Франции произошли существенные сдвиги. Суть их заключалась в консолидации основных партий и групп Третьей республики в так называемый Национальный блок. Его победа на первых послевоенных выборах в ноябре 1919 г. стала резонансным событием своего времени, получила широкую огласку, вызвала многочисленные отклики внутри страны и за рубежом. Тогда речь шла о том, насколько представленным в нем политическим силам удастся сохранить плоды победы над Германией, обеспечить безопасность страны, дать отпор большевистской угрозе и утвердить реноме великой державы в послевоенном мире, несмотря на тяжелый ущерб, причиненный немецким нашествием.

Для Франции и большинства стран, участвовавших в мировой войне, она стала историческим водоразделом. Война и ее последствия выдвинули проблему приспособления государственных институтов, политики, самого французского социума к новой обстановке и кардинальным переменам, происходившим в стране и мире. Сложившаяся ситуация отодвинула в прошлое старый (довоенный) порядок. Она деформировала основы либерального общества, которое утверждалось в странах Запада со второй половины XIX в., и привела к обострению политической борьбы вокруг путей и направлений послевоенного развития.

В силу этого интерес исследователей объяснялся той ролью, которую Национальный блок играл в переходный период от войны к миру и вращался, преимущественно, вокруг политических аспектов формирования и деятельности блока, его партийного состава, причин победы на выборах, сути и направленности программных установок. При всем разнообразии трактовок, французские авторы, в целом, справедливо объясняли его создание спецификой момента. Историк и публицист Ж. Нере, например, усматривал истоки объединительных тенденций в стране, обществе и политических кругах в стремлении значительного числа французов к продолжению «священного союза» военной поры. Исходя из таких представлений, он писал, что огромные массы людей, «смешиваясь в траншеях, чувствовали себя братьями и после окончания войны». Их сближал «повелительный общий дух быть объединенными, как на фронте». Этот «дух траншей», по мнению Ж. Нере, стал главной причиной создания блока и его успеха на выборах¹.

В свою очередь, публицист Р. Корнийё, высказывая соображения относительно характера коалиции, объяснял ее создание стремлением партий, которые «превыше всего ставили национальный интерес», к сохранению в неприкосновенности традиционных устоев². Знарок политической истории Третьей республики Э. Боннефу и Ж. Шастене, автор ее многотомной истории, рассматривали Национальный блок

¹ Néré J. La Troisième République 1914—1940. Paris, 1965, p. 32.

² Cornilleau R. De Waldeck—Rousseau a Poincaré. Chronique d'une génération (1898—1924). Paris, 1926, p. 238.

как «широкое согласие между республиканцами различных оттенков»³ с целью «помешать социалистам установить в стране диктатуру по образцу «русских советов»⁴.

В качестве основной причины создания блока указывалось на возобладание в политической жизни страны консервативной тенденции, носителями которой являлись правые партии, сумевшие преодолеть раскол в собственных рядах и взять реванш за неудачу на предвоенных выборах в апреле — мае 1914 г.

Известный историк Р. Ремон считал успех правых на выборах в ноябре 1919 г. «крупнейшим событием в политической жизни Франции послевоенной поры»⁵. Ж.-П. Азема и М. Винок, Т. Телье, А. Контамен, М. Бомон и др. акцентировали внимание на защите демократических и конституционных свобод в избирательных платформах блока, обещаниях сохранить «плоды победы», дать отпор большевизму и другим радикальным течениям, в том числе монархистским, направленным на подрыв республиканского режима⁶. В. Батай и П. Поль в свете победы блока объясняли неудачу его основных соперников — социалистов, приверженностью последних идеалам «коллективистского общества», которые не разделялись большинством избирателей⁷. Публицист Г. Риу, историки Ш. и А. Амбрози, М. Бомон и многие другие связывали победу блока с поддержкой избирателями его антигерманской и антибольшевистской платформы, защитой католических и семейных ценностей, традиционного французского уклада⁸.

В конце XX — начале XXI в. заметна смена акцентов и концептуальных подходов в оценке политических событий межвоенных лет в духе рекомендаций Совета Европы, относительно выработки цельной концепции европейской истории⁹. Исходя из этого, проблематика блока чаще подается в контексте конституционной и политической истории, практически вне связи с глобальными процессами эпохи. В работах французских авторов К. Дельпора, Н. Русселье Национальный блок характеризуется, преимущественно, в виде несбалансированной политической коалиции, которая попыталась гальванизировать идеи «священного единения» времен войны. Отмечая существенные изменения в послевоенном положении страны,

---

³ Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République. Т. III. L'Après-guerre 1919—1924. Paris, 1959, p. 63.

⁴ Chasteney J. Cent ans de République. Т. 5. Les années d'illusions. 1918—1931. Paris, 1970, p. 69.

⁵ Rémond R. La vie politique en France de 1870 à 1940. Fascicule III. Paris, 1963, p. 374, 377.

⁶ Baumont M. La faillite de la paix (1918—1939). Paris, 1960, p. 398. Contamine A. La France devant la Victoire. — Revue d'histoire moderne et contemporaine. L'Europe en novembre 1918. Т. XVI. Janvier — mars 1969. (Colloque sur l'Europe en novembre 1918), p. 130—136; Azéma J.-P., Winock M. La III-e République 1870—1940. Paris, 1976, p. 200—201; Tellier T. Paul Reynaud (1878—1966). Un indépendant en politique. Paris, 2005, p. 60.

⁷ Bataille V., Paul P. De mutenerie a la Victoire (1917—1918). Paris, 1965, p. 225—227.

⁸ Riou G. L'Après-guerre. Commentaires d'un Français. P., 1926, p. 84; Ambrosi Ch. et A. La France 1870—1940. Paris, 1971, p. 119; Baumont M. Gloire et tragédie de la Troisième République. Paris, 1956, p. 7.

⁹ В пятой главе пособия Э. Лоу-Беера «Совет Европы и история в школе», в частности, отмечалось: «Политические изменения 1989—1990 гг. изменили лицо Европы, и, следует принять во внимание, что они также фундаментально изменили методы, с помощью которых было возможно думать о европейском элементе в летописи истории. Что сейчас требуется — это восстановить концепцию всей Европы на всем протяжении 40 лет “холодной войны” и железного занавеса, который разделял континент как образно, так и умственно... Историкам давно было ясно, что политические изменения имели глубокие исторические корни, что Европа в последнее десятилетие XX в. снова стала поднимать исторические нити из более ранних эпох». — Лоу-Беер Э. Совет Европы и история в школе. Страсбург, 1997, с. 16. Здесь также обращалось внимание на аспекты изучения национальной и европейской истории, опасность национализма, на то, что «учебники должны представлять настоящее равновесие местной, региональной, национальной, европейской и мировой истории, т.е. историю больше не должны представлять в большинстве случаев с национальной точки зрения, а на фоне громадного европейского развития» (с. 91). С учетом подобных рекомендаций пишутся и исторические монографии.

угрозу утраты ею статуса великой державы¹⁰, они склонны рассматривать Национальный блок не как политическую общность, возникшую в пограничной ситуации, а как очередную политическую комбинацию, обреченную на неудачу в результате «парламентских интриг». В опубликованном в 2003 г. «Историческом словаре французской политической жизни XX века» под редакцией Ж.-Ф. Сиренелли, Национальному блоку посвящена специальная статья известного историка Н. Русселя. В русле вышеназванных подходов он отмечает, что попытка сил, оказавшихся у власти после окончания войны, воспользоваться имиджем «национального согласия» оказалась неэффективной. Уже в 1923 г. в результате рурского кризиса и малоуспешных попыток отстоять интересы страны в противоборстве с союзниками военных лет (Англией и США), коалиция распалась. Это предопределило поражение правых на выборах 1924 г. от Левого блока, сделавшего заметный акцент на смягчение социальной напряженности, оживление союзнических отношений и урегулирование кризиса в франко-германских отношениях¹¹.

В отечественной литературе Национальный блок длительное время освещался тенденциозно. Это объяснялось тем, что период его создания и легислатуры (1919—1924 гг.) совпал с событиями Гражданской войны, интервенции и непризнания Советской республики. В основе таких подходов лежали оценки, данные в свое время В. И. Лениным, увидевшего в нем продукт политики французской буржуазии, которая «сплачивается, чтобы задержать крах мирового империализма». Выступая с докладом на VII Всероссийском съезде Советов 5 декабря 1919 г., он квалифицировал итоги прошедших выборов во Франции как победу «самой бешеной реакции»¹².

Вплоть до 1960-х годов Национальный блок рассматривался как объединение реакционных буржуазных партий, образованное крупным капиталом для борьбы с большевизмом и революционным движением, осуществления экспансионистской политики и установления французской гегемонии¹³. Заметные подвижки в сторону усиления научного компонента наметились с конца 1960-х годов в работах известного историка Ю. И. Рубинского, в которых содержались новаторские на тот период суждения о том, что после окончания войны «правые партии сумели временно консолидировать свои ряды под флагом не столько откровенной реакции, сколько твердолобого консерватизма»¹⁴. Франковед С. Н. Гурвич, внесшая большой вклад в изучение партии радикалов и радикал-социалистов, раскрыла специфику ее взаимоотношений с правыми и активную роль в образовании Левого блока, отстранившего Национальный блок от власти в 1924 г.¹⁵ В кандидатской диссертации автора, подготовленной в свое время на кафедре новой и новейшей истории Московского

¹⁰ *Delporte Ch.* La III République. 1919—1940 de Raymond Poincaré a Paul Reynaud. Paris, 1998, p. 13.

¹¹ *Roussellier N.* Bloc National. — Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle (Sous la dir. de J.-F. Sirinelli). Paris, 2003, p. 142—144.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 117; т. 39, с. 400.

¹³ *Лозовский А.* Рабочая Франция (Заметки и впечатления). М.—Пг., 1923, с. 66; *Броун В.* Франция последнего десятилетия. Харьков, 1925, с. 6; *Яворский С.* Современная Франция. М.—Л., 1926, с. 66; *Зарецкий М. И.* Франция на переломе. М., 1935, с. 36; *Вольнский Л.* Франция. Л., 1937, с. 45; *Баскаков Г. Ф.* Всеобщая забастовка французских железнодорожников в мае 1920 г. — Новая и новейшая история, 1957, № 5, с. 28; *Малафеев К. А., Севрюк Е. П.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и созревание политического кризиса во Франции. Смоленск, 1960, с. 7—8, и др.

¹⁴ *Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции (Борьба партий и классов от Версаля до Мюнхена. 1919—1939 гг.). М., 1973, с. 67. Вехой в разработке проблем партийно-политической борьбы во Франции стала его докторская диссертация «Политические партии и государство во Франции в эпоху Третьей республики», в которой специальный параграф был посвящен Национальному блоку. — *Рубинский Ю. И.* Политические партии и государство во Франции в эпоху Третьей республики. Дисс. уч. степ. докт. ист. наук. М., 1969.

¹⁵ *Гурвич С. Н.* Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в. М., 1976, с. 182—183; *ее же.* Рабочее движение и «левый блок» во Франции (1921—1926 гг.). М., 1966.

университета, делался упор на эклектическом характере блока и наличии левореспубликанской оппозиции его курсу¹⁶.

Сложившиеся в историографии оценки касаются, в основном, характера и политической сущности блока. Однако этим не исчерпывается его феномен. В тени остаются вопросы, связанные с воздействием массового сознания, сложившегося во французском обществе в годы войны, на политическое «поведение» партий. Первым на эту проблему обратил внимание ведущий специалист по новейшей истории, профессор Московского университета В. П. Смирнов. Он, в частности, отмечал, что «ужасы войны породили не только революционные, но и пацифистские и религиозные настроения, усталость и апатию части населения», справедливо увязав возросшее влияние религии и католической церкви с укреплением позиций правых партий¹⁷.

Цель автора статьи раскрыть феномен Национального блока исходя из анализа массового сознания, утвердившегося во французском обществе в годы войны и влияния господствовавших настроений на предвыборную борьбу. Такой подход позволяет глубже уяснить особенности формирования программы и политических установок блока, его идеологических принципов, во многом обусловивших победу на первых послевоенных выборах 1919 г.

* * *

Создание и деятельность Национального блока во Франции стали отражением противоречивой ситуации, сложившейся с окончанием мировой войны. С одной стороны, страна пребывала в ореоле славы, одержав победу над извечным соперником — Германией; с другой, — была сильно ослаблена вследствие огромных потерь, жертв и разрушений. Положение усугублялось рядом факторов, как внутреннего, так и внешнего, международного порядка, совокупность которых вела к конфронтации между разными политическими силами относительно решения проблем послевоенного урегулирования.

Доминирующим настроением французского общества сразу по окончании войны являлась сосредоточенность на окончательном решении «германского вопроса». Подавляющее большинство французов не подвергало сомнению ответственности немцев за развязывание кровопролитной войны. Французская пресса клеймила варварство и жестокость завоевателей, приведших к огромным людским потерям, разрушениям, запустению и упадку. Во Франции, как ни в одной из стран-победительниц были распространены требования привлечения к суду германского кайзера и других военных преступников. Распространенным оставалось убеждение, что нация должна сохранять единство для обеспечения окончательной победы и принуждения врага рассчитаться за свои злодеяния. Парламент, военный кабинет Ж. Клемансо, ведущие политические формирования, особенно правого толка, стремились использовать подобные настроения для гальванизации идей «священного единения» военной поры, т.е. сплочения правительства, партий, организаций, профсоюзов, всех слоев общества в новых обстоятельствах, когда перед нацией стала не менее сложная задача — восстановления причиненного ущерба и сохранение реноме великой державы-победительницы.

Чтобы оценить эффект призывов к объединению, следует понять, что означало для нации очередное кровавое столкновение с германским милитаризмом. «Великая война» вошла в быт, мысли, каждодневную жизнь людей всех сословий и положений. Ненависть к врагу и скорбь по погибшим переплетались в сознании французов с гордостью за победу и тревогой за будущее. Многие поколения

¹⁶ Ачкинази Б. А. «Национальный блок» во Франции и борьба его группировок по вопросам внутренней политики (1919—1923 гг.). (Автореферат канд. дисс. М., 1980); *его же*. Внутриполитический курс «Национального блока» и левореспубликанская оппозиция во Франции (1919—1923 гг.). — Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978, с. 117—136.

¹⁷ Смирнов В. П. Новейшая история Франции. М., 1979, с. 29—30, 40.

вступали в жизнь с осознанием опасности, исходившей от воинственного соседа. Их представления и настроения засвидетельствованы современниками, участниками и летописцами событий. Так, Р. Пуанкаре, крупный государственный и политический деятель Третьей республики, ее президент в годы войны, в историко-мемуарном труде «На службе Франции» и в серии публицистических работ напоминал об исторических корнях франко-немецкой вражды. В записи от 26 февраля 1916 г., сделанной под впечатлением штурма Вердена, он отмечал: «Немцы без сомнения метят на Верден. Это несколько не удивительно. В Вердене был подписан в 843 г. трактат, расчленивший империю Карла Великого»¹⁸ (и образовавший на ее землях два враждующих, — французский и немецкий, анклав). Историческая проблема безопасности в связи с фактором немецкой угрозы, тяготела над Францией со времен Средневековья. В роялистские времена и эпоху Империи постоянно проводилась политика ослабления и расчленения Германии. В классическом варианте она нашла воплощение в трактатах Вестфальского мира 1648 г. после победы Антигабсбургской коалиции в Тридцатилетней войне, войнах Людовика XIV за пфальцское наследство 1688—1697 гг., а также в наполеоновской политике относительно Пруссии и немецких княжеств после Иены и Ауэрштедта (1806 г.). Она закрепляла раздел Германии, ее политическую и территориальную раздробленность. Усиление Пруссии в 1811—1813 гг., ее активная роль в достижении победы над наполеоновской Францией и утверждение ведущего места в Венской системе сопровождалось углублением конфронтации между двумя странами. В конечном итоге объединение немецких земель «железом и кровью» и триумф Рейха в франко-прусской войне 1870—1871 гг., аннексия Эльзас-Лотарингии и получение огромной пятимиллиардной контрибуции с Франции резко изменили ситуацию. Провозглашение Германской империи и ее стремление к гегемонии на континенте до крайности обострили угрозу из-за Рейна. «Франция в силу как своих недостатков, так и достоинств, — доказывал по этому поводу известный деятель Третьей республики, секретарь французской делегации на Парижской мирной конференции А. Тардьё, — в тот самый момент, когда Германия решилась на войну, была глубоко мирной страной. Если бы в 1914 г. Германия хотела мира, она, как и в предыдущие годы, встретила бы полную готовность Франции заключить соответствующие соглашения. Если бы Германия хотела мира, Франция больше всякой другой страны помогла бы ей сохранить его. Но Германия хотела войны»¹⁹.

Поэтому подписанное 11 ноября 1918 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу перемирие было воспринято как триумфальная победа над коварным противником. Германия обязывалась вывести войска со всех оккупированных территорий, передать союзникам военные материалы, осуществить разоружение. Франции возвращались Эльзас и Лотарингия с их высокоразвитой индустрией. Французские войска сохраняли контроль над важными стратегическими пунктами на Балканах, Адриатике, в Центральной Европе и Ближнем Востоке²⁰. Позднее, созданная на Парижской конференции Лига Наций передала в подмандатное управление Франции часть немецких колониальных владений в Африке и Океании.

«Франция стала главой почти половины мира», — писал в этот период правый публицист Д. Ла Рошель²¹. В печати и речах государственных деятелей превозносился национальный гений французского народа, сокрушивший «прусский милитаризм». Война изображалась практически всеми изданиями как столкновение с «абсолютизмом» кайзеровской Германии во имя идеалов демократии и свободы. Камуфлировались истинные цели участия в войне. «Отныне наш путь — это путь мира и прогресса», — уведомлял творец государственного пацифизма А. Бриан²².

¹⁸ Пуанкаре Р. На службе Франции 1915—1916: Воспоминания. Мемуары. М., 2002, с. 359.

¹⁹ Тардьё А. Мир. М., 1943, с. 11.

²⁰ Renouvin P. L'Armistice de Rethondes. 11 Novembre 1918. Paris, 1968, p. 56—74.

²¹ La Rochelle D. Mesure de France. Paris, 1922, p. 5.

²² Briand A. Paroles de paix. Paris, 1927, p. 7.

Подписание Компьенского перемирия вызвало эйфорию во французском обществе. В 11 часов 11 ноября 1918 г. звоны соборов и церквей всех городов, селений и деревень Франции оповестили об окончании войны. В этот день в столице на Пляс де ла Конкорд (Площади Согласия) состоялась церемония снятия черного крепа со статуй городов, находившихся под немецкой оккупацией с 1870 г. Присутствовавший на церемонии дипломат Ж. Ларош впоследствии вспоминал: «Мне едва удалось сдержать слезы, когда траурные покрывала были заменены огромным трехцветным знаменем»²³.

Однако справедливые, по мнению многих французов, претензии к потерпевшей поражение Германии во многом ограничивались необходимостью сообразовываться с интересами других участников союзнической коалиции, также претендовавших на исключительную роль освободителей. Изменения в соотношении сил на международной арене оказывали реальное воздействие на сложившуюся ситуацию. В этот период державами-победительницами, среди которых активную роль играла и Франция, на Парижской (1919—1920 гг.) и других послевоенных конференциях закладывались основы новой международной (Версальской) системы. В центре борьбы оказались вопросы заключения мирного договора с Германией и ее союзниками, разрешение сложных проблем геополитического (территориального и политического) и экономического переустройства. Принятие Германией условий договора, подготовленного победителями, рассматривалось в правительственных и политических кругах Франции как завершающая стадия реализации целей, ради которых страна вступила в войну. 18 января 1919 г. президент Р. Пуанкаре, открывая мирную конференцию, на которую съехались более 1 000 делегатов из 26 стран в сопровождении многочисленных экспертов — историков, экономистов, юристов, заявил: «Господа, как раз 48 лет назад в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь, чтобы ликвидировать и демонтировать то, что было создано в тот день»²⁴.

Когда наступил час подведения итогов войны, руководители Французской республики ощущали себя истинными победителями. Казалось, Провидение предоставляет возможность раз и навсегда покончить с сакраментальным германским вопросом, который столетиями отравлял существование французской нации. На позицию премьера Ж. Клемансо, президента Р. Пуанкаре, парламента, политических сил и общественности влияли история и недобрые традиции двусторонних отношений. Сама атмосфера, в которой действовали французские уполномоченные на конференции, не позволяла каких бы то ни было послаблений поверженному врагу. Речь шла о выполнении требований, которые длительное время вынашивались в правящем лагере. В то же время серьезное беспокойство вызывал тот факт, что победа не положила конец угрозам со стороны немецких милитаристских сил. Негодование в обществе возрастало по мере того, как усиливалось их сопротивление требованиям победителей, особенно в части репарационных выплат, сокращения армии, разоружения, территориальных уступок, экономических ограничений, союзнического контроля и др.

Решение германского вопроса, на что возлагались большие надежды в общественных и политических кругах Франции, на мирной конференции не произошло. Кардинальные изменения в балансе сил, потеря огромного российского рынка после Октябрьской революции, выход на лидирующие экономические позиции США, дезорганизация европейского хозяйства, волнения в колониях, рецидивы реваншистских настроений в Германии обострили противоречия в лагере победителей в борьбе за раздел территорий, рынков, природных ресурсов и сфер влияния. В этих условиях нейтрализация германской угрозы, реальной и мнимой, снова, как и в довоенные времена, становилась доминирующей для французского общества.

²³ *Laroche J.* Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. 1913—1926. Paris, 1957, p. 55.

²⁴ *Poincaré R.* Messages. Discours — allocutions. Lettres et télégrammes. Paris, 1921, p. 16.

Она превращалась в важнейший фактор политической борьбы, во многом предопределивший размежевание и поляризацию политических сил.

Проблема обеспечения французской безопасности усугублялась и внутренними трудностями, что значительно ослабляло эффект победы. Своеобразие послевоенной обстановки довольно точно охарактеризовал известный историк М. Бомон, отметивший, что война «вызвала кардинальные изменения в экономике и вместе с тем способствовала нарушению равновесия социального организма, смешавши в сознании людей ностальгию по прошлому и искреннее непонимание будущего», а Ж. Нере констатировал, что влияние войны на французское общество, его «идеи, взгляды и мораль» было огромным²⁵.

Таким образом, претензии французских правящих кругов на сохранение почетного места в ареопаге победителей наталкивались на сложные внутренние обстоятельства демографического, социально-политического, финансово-экономического порядка²⁶. Потери Франции не имели аналогов в национальной истории: 1 397 тыс. убитыми, 1 100 тыс. ранеными на 8 660 тыс. мобилизованных, 600 тыс. вдов, 750 тыс. сирот, 900 тыс. потерявших кров²⁷. Поэтому фактор немецкой угрозы воспринимался как неизбежный и тогда, когда страна пребывала в зените славы. И прямо, и косвенно с решением германского вопроса увязывалась вереница острых послевоенных проблем: компенсаций ветеранам, выплат пенсий и пособий семьям, утратившим кормильца, помощи вдовам и сиротам. На повестке стояли проблемы восстановления опустошенных районов, демобилизации армии и трудоустройства «пулю» (ветеранов, участников боевых действий), сокращения сроков военной службы, восстановления здравоохранения, реабилитации ветеранов и многие другие.

В политических кругах выявился большой разброс мнений относительно «рецептов» оздоровления ситуации. В лагере правых партий звучали призывы к воссозданию «национального союза» как залога и важного условия преодоления трудностей. Так, один из идеологов «правой», известный писатель и публицист, академик М. Баррес доказывал: «После войны старый раздел политических партий не имеет больше смысла». Он указал на несостоятельность старых парламентских групп, среди которых большой удельный вес занимали радикалы и социалисты, получившие большинство на предвоенных выборах в апреле — мае 1914 г., осуществить возрождение страны. Поэтому Баррес призывал всех патриотов, преданных идеалам романской цивилизации к созданию «национального и социального союза»²⁸. Исходя из сути момента, главными лозунгами этого «национального союза», понятными для широких масс, должны были стать сохранение «плодов победы» и осуществление «национальной реконструкции», т.е. восстановление разрушенных департаментов и стабилизация внутреннего положения, сохранение в неприкосновенности республиканского режима, демократии и свобод, отпор революционной угрозе. В этой связи другой лидер правых А. Франсуа-Понсе подчеркивал: «Сам факт, что Республика одержала победу в последней войне и возвратила Франции провинции, утраченные в эпоху Империи, увеличили ее политическую значимость... Это ликвидировало предубеждение и утверждения тех, кто сомневался в ее способности защитить родину»²⁹.

В основе кампаний, которые развернулись в стране и поддерживались практически всеми политическими силами Третьей республики, лежали такие мотивы: демократическая, миролюбивая Франция вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и заплатила за преданность этим ценностям жизнями лучших своих сыновей. Несмотря на огромные потери и жертвы, она внесла решающий вклад

²⁵ *Baumont M.* Op. cit., p. 1; *Néré J.* Op. cit., p. 31.

²⁶ *Gide Ch., Oualid W.* Le bilan de la guerre pour la France. Paris — New Haven, 1931.

²⁷ *Huber M.* La population de la France pendant la guerre. Paris, 1931, p. 414—416.

²⁸ *Barrès M.* Chronique de la Grande Guerre. 1914—1920. Paris, 1968, p. 694—696.

²⁹ *François-Poncet A.* Reflexions d'un républicain moderne. Paris, 1925, p. 38—39.

в завоевание победы. Поэтому Франция имеет историческое и моральное право, как на справедливую компенсацию со стороны побежденной Германии, так и на признание ее заслуг со стороны союзников. Такого рода представления нашли отражение в платформах, программах и установках правых. Они активно эксплуатировались в ходе избирательной кампании, трансформируясь в популярный лозунг: «Боши за все заплатят!» В стране, изнуренной войной, массовая пропаганда относительно принуждения врага к возмещению ущерба, причиненного агрессией и оккупацией, встречала понимание, особенно у миллионов пострадавших в северных и северо-восточных департаментах. Взимание германских репараций, компенсаций за причиненный ущерб, наказание виновников катастрофы позитивно воспринималось практически всеми слоями французского общества. Справедливость этих требований закреплялась в массовом сознании и чувствах французов. Образ врага, опустошившего Францию, становился реальным фактором предвыборной борьбы. Он повлиял на формирование политических пристрастий подавляющей части французского электората, обеспечив, в первую очередь, дивиденды правым.

В обстановке предвыборных баталий, в гамме противоречивых настроений, проявлявшихся в обществе, правые чутко улавливали и использовали антигерманский настрой. Он нашел отражение в многочисленных программах и платформах, в которых содержался призыв к сохранению «плодов победы» и укреплению безопасности страны. Обыгрывался тезис о побежденном, но не смирившемся с поражением противнике. При этом делался упор на необходимость укрепления внутреннего единства, дабы «не позволить расшатать режим, спасенный в результате победы!»³⁰ Преобладали лозунги защиты демократии, свобод, светского государства, национального единства, ценностей католицизма и традиционных семейных ценностей, естественных прав, в том числе, права собственности и ее наследования, которые противопоставлялись «коллективистским» доктринам социалистов. В преувеличенном и драматизированном виде подавалась роль Франции в войне и завоевании победы. Сама война изображалась как освободительная для народов, которые, по примеру Франции, поднялись на борьбу против оккупантов. А. Тардые, в своей знаменитой книге «Мир» в этой связи писал, что «даже союзники признали к своей чести, что для всей Европы Эльзас-Лотарингия была возобновительницей национального идеала — идеала, за который они сражались, во имя которого они победили. Видя, как мужественно и терпеливо в течение более полувека переносят свои страдания эльзасцы и лотарингцы, веками угнетенная Чехия также принялась мечтать о свободе; Польша, расчлененная на три поработанных куска, поверила в свое почти невероятное восстановление. Тироль, Трентино, Истрия, Кроация, Словения, Трансильвания, македонские и азиатские греки, бельгийцы из валлонских кантонов и датчане из Шлезвига на примере Меца и Страсбурга убедились, что нет оснований отчаиваться в будущем. Из эльзас-лотарингского источника черпали угнетенные национальности свою волю к жизни и восстановлению. Эти надежды, эта воля поддерживалась Эльзасом и Лотарингией. Будучи движущей силой французской энергии, они были также движущей силой всех национальных энергий современности, и для полного торжества справедливости после подписания освободившего эти страны договора та же весть о свободе засияла над всей Европой»³¹.

В материалах прессы, пропаганде, предвыборных листовках и афишах превозносилась роль армии, ее руководителей, офицеров и рядовых, особенно ветеранов — «пуалю», обеспечивших победу в «Великой войне». В идеализированном виде подавались цели войны, воспевалась миссия Франции как спасительницы мира от «немецкого варварства», защитницы цивилизации и человечности. М. Баррес в публицистических сочинениях этой поры, провозглашал, что «идея отчизны и нации является сегодня актуальной, как никогда». Для него победа, т.е. при-

³⁰ *Gonsalve-Menusier H. L'Electeur conscient. Programmes politiques modernes. Paris, 1924, p. 13.*

³¹ *Тардые А. Указ. соч., с. 211.*

нуждение немцев к подписанию перемирия, означала триумф Франции, признание мирового значения французской нации, устранение с европейского небосвода «тевтонского орла» как ее антитезиса. Целью и смыслом послевоенного развития он считал «распространение среди других народов светлейшей идеи людского гения Франции в противовес чёрной звезде Пруссии»³². На разные лады варьировалась мысль о превосходстве дела победителей над захватническими побуждениями побежденных «бошей». В программы главных партий, развернувших подготовку к выборам (Республиканской Федерации, Демократического альянса, Либерального действия), вносились требования закрепления французских интересов в процессе обустройства послевоенного мира, обеспечения безопасности страны, «справедливой» компенсации потерь и разрушений. Значительное число публицистов призывало к установлению эры длительного мира и спокойствия после ужасов мировой войны. При этом акцент делался на неприятие французской нацией революции, каких-либо общественных беспорядков и гражданской войны как средств решения социальных неурядиц, что являлось ответом на новую угрозу, связанную с установлением в России власти большевиков.

Еще в военные годы значительная часть «правой» сплотилась вокруг фигуры Жоржа Клемансо, которому после заключения перемирия палаты официально присвоили титул «отца победы». Правые безоговорочно поддерживали его заявления о ведении войны до победного конца и инициирования кампаний против «пораженцев» и «предателей». Среди последних оказались многие из политических соперников премьера, преимущественно из оппозиционного лагеря умеренных республиканских группировок и партии радикалов, в том числе бывшие министры Ж. Кайо и Л. Мальви. Одновременно оказались подорванными позиции социалистической партии (СФИО), одной из крупнейших массовых партий Третьей республики, добившейся успеха на предвоенных выборах. Ее приверженность интернационалистским принципам и переход в оппозицию, осуждение «гуннского мира», как в прессе социалистов и пацифистов определялся Версальский договор, квалифицировались представителями правых партий как попытки защитить врага от справедливой кары и омрачить великую победу над ним³³. Консервативные авторы В. Батай и П. Поль, отмечая наличие подобных тенденций, утверждали, что отношение Объединенной социалистической партии к мирному договору являлось продолжением ее политики «мира без победы», которой она, якобы, придерживалась во время войны. Они писали о «сделке» социалистов со своими единомышленниками из нейтральных стран и «стран Тройственного союза», с целью добиться заключения такого «белого мира»³⁴.

Значительная часть партии радикалов и социалистическая партия выдвинули лозунги, существенно отличавшиеся от установок правых. Дальнейшие перипетии политической борьбы и итоги выборов показали, что в сложившейся ситуации они не соответствовали господствовавшим настроениям. Атмосфера эйфории и подъема от осознания победы, хоть и значительно выхолащенная усугублявшимися трудностями, проявлялась и в ходе избирательной кампании, которая официально началась в октябре 1919 г. после ратификации палатой депутатов Версальского договора. Она разворачивалась в обстановке укрепления позиций правых партий, консервативных и националистических групп, которые с 1914 г. выступали за ведение войны до конца (*jusqu'au bout*) и после победы оказались в ореоле славы. Разжигая антигерманские настроения и насаждая атмосферу «национального единства», правые силы стремились мобилизовать общественное мнение и избирателей в поддержку выдвинутого ими курса. Даже устранение кайзеровской монархии в

³² *Barrès M. Op. cit.*, p. 116, 695.

³³ Более подробно о кампании против социалистов в период обсуждения и ратификации мирного договора с Германией см.: *Ачкинази Б. А. Версальский мир и борьба партий во Франции в 1919 году.* — Французский ежегодник. 1986. М., 1988, с. 27—53.

³⁴ *Bataille V., Paul P. Op. cit.*, p. 205.

Германии и одобрение рейхстагом демократической конституции не изменило отношение «национальных» партий к немецкому вопросу. Так, после избрания социал-демократа Ф. Эберта временным президентом Германии, правая «Фигаро» писала: «Нам не следует обманываться. У Эберта уже в ближайшее время мы увидим зубы Гинденбурга!»³⁵ А член парламентской комиссии по иностранным делам Ш. Даниелу (группа «левых республиканцев») подчеркивал, что «смена режима в Германии ни в коей мере не изменила методов, присущих пангерманистам»³⁶.

В отличие от довоенного времени кампания 1919 г. имела иную интригу. Тогда основная борьба разворачивалась между республиканцами и явными или тайными приверженцами монархии, а главным вопросом являлась институционализация республиканского режима. Сейчас упор делался на судьбоносности выбора избирателей. Правительство, парламентарии, правые (правительственные) партии, организации патроната и предпринимательские союзы активизировали агитационные мероприятия, стремясь повлиять на сознание и чувства избирателей. Массированная пропаганда доказывала, что речь идет о сохранении основ французской государственности, которым угрожают тотальный упадок и революционное половодье, захлестнувшее истощенную войной Европу, а также германский реваншизм. Делался акцент на том, что реакционные милитаристские и монархические круги Германии стремятся воспользоваться упадком и хаосом, чтоб переиграть итоги войны и осуществить реванш; подчеркивалось, что такие расчеты толкают их к саботажу версальских решений. Избирателей не уставали призывать к упорочению «национального союза», который, по утверждению одного из лидеров «правой» А. Мильерана, «обеспечил французской нации победу; разногласия чреваты утратой ее завоеваний»³⁷. В выступлении Р. Пере (Республиканская Федерация) в палате, посвященному обсуждению ситуации с репарационными платежами на мирной конференции, была изложена суть политики правых в немецком вопросе: «Германия, которая не очень пострадала от войны, не имеет права на наше снисхождение. Она сохранила в неприкосновенности свои средства производства и именно это, в первую очередь, должна принять к сведению конференция»³⁸.

Чувство общей победы, стихийно выплеснувшееся в период заключения перемирия, к моменту выборов все более сменялось разочарованием, апатией и недовольством. Это вело к возрастанию конфронтационности в обществе и обострению политической борьбы. Хрупкий консенсус между партиями, поддерживаемый во время войны, уходил в прошлое. Как довольно точно подметил публицист В. Камбон, «партии, которые в августе 1914 г. дали клятву позабыть о своих разногласиях, сразу же отказались от нее с последними залпами войны»³⁹.

В правительственных и политических кругах реально ощущали опасности, порожденные послевоенным временем. Одной из наибольших угроз, наряду с германской, о которой много говорилось и писалось, и которая постоянно будоражила общественность и политиков, являлась угроза «большевизма». Само название «большевизм» пришло во Францию из лексикона Русской революции 1917 г. и в 1919 г. ассоциировалось с крайне радикальным ее течением, протагонисты которого (большевики) осуществляли жесточайший террор в ходе гражданской войны, польхавшей на бескрайних просторах распавшейся Империи. Угроза большевизма воспринималась сквозь призму революционных событий и гражданской войны в России, Германии, Венгрии, массовых выступлений в самой Франции, активизации тут анархо-синдикалистских и левосоциалистических групп. Известный критик, публицист и историк Ж. Прево, близкий к левым кругам, констатировал, что события

³⁵ Le Figaro, 12.II.1919.

³⁶ Daniélou Ch. Les affaires étrangères. Paris, 1927, p. 11.

³⁷ Le Matin, 10.VII.1919.

³⁸ Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Première partie. Du 14 Janvier au 28 Mars. Paris, 1920, p. 934.

³⁹ Cambon V. Oú allons-nous? Paris, 1918, p. 6.

в России повлияли на усиление интернационалистского крыла социалистической партии (СФИО) и создание компартии. Притягательная сила русского коммунизма и пример Русской революции стали, по его словам, особенно проявляться с 1919 г., когда ситуация в стране в связи с ростом массового недовольства, обострилась⁴⁰. Крайне левые в партии и синдикатах призывали к использованию «русского опыта» для захвата власти и установления (как, например, призывал Ф. Лорио, один из лидеров радикальных группировок в СФИО), «диктатуры пролетариата»⁴¹. В синдикалистских листках и прессе левых преваляли апологетические оценки Русской революции. Грандиозный масштаб событий, происходивших в России, вызывал у значительной части анархо-синдикалистских деятелей Франции и социалистов ощущение неотвратимости мировой революции. Так, публицист П. Луи в еженедельнике «Ревю комюнист», обращаясь к руководителям республики, запугивал: «Социальная революция уже стучится в ваши двери. Она вот-вот переступит порог»⁴². В первом номере этого издания, вышедшем в начале 1920 г., появилась такая сентенция: «Русская октябрьская революция 1917 г. явилась ударом грома, который разбудил пролетариев от их националистического забытья. Она стала отходною старого экономического режима»⁴³.

Было бы неправильно переоценивать значение революционного фактора. Создававшиеся леворадикальные организации пользовались незначительным влиянием в обществе. Однако угроза «большевистской революции», уже материализованная в образовании «советских республик» в Венгрии, Баварии, Бремене, Словакии, революционных событиях в Болгарии и Финляндии, впервые реально обозначилась в послевоенном мире. И приступившие к организации «национального союза» в форме предвыборного блока главные политические формирования Третьей республики, развернули массированные кампании против большевизма⁴⁴. Используя приверженность подавляющей части французов традиционному укладу, их стремление быстрее возвратиться к мирной жизни и забыть ужасы войны, официозные круги, правые и умеренные партии, ведущие органы прессы призывали дать отпор сторонникам русских методов, доморощенным большевикам («максималистам» как их называли на Западе). Противников «национального единства» клеймили как антипатриотов, интернационалистов, действовавших вопреки благу пострадавшего Отечества. В том числе и по этой причине в лагере правых звучали призывы к созданию в стране «сильной власти», способной дать отпор вызовам пангерманизма и большевизма. Правые изображали немецкий милитаризм и русский большевизм звеньями одной цепи, представляя и тот и другой в виде монстра, несущего угрозу цивилизации и миропорядку, который западные державы создавали на послевоенных конференциях. Орган Клемансо «Ом либр» («Свободный человек») по этому поводу заявлял: «Альянс советской республики и Германии может большевизировать весь мир»⁴⁵.

И правые, и умеренные республиканцы, часть реформистски настроенных социалистов видели в активизации деятельности революционных левых сил непосредственную угрозу демократическим завоеваниям Республики. Важным обстоятельством было и то, что предвыборная кампания и выборы во Франции совпали с углубившимся расколом в социалистическом движении и образованием на базе левых групп социалистов и анархо-синдикалистов коммунистических партий и ор-

⁴⁰ *Prévoist J. Histoire de France depuis la guerre.* Paris, 1932, p. 136.

⁴¹ *L'Humanité*, 3.VIII.1919.

⁴² *La Revue communiste*, — 1920, № 6, p. 380.

⁴³ *La Revue communiste*, — 1920, № 1, p. 3.

⁴⁴ Упоминания о впечатляющем плакате с изображением волосатого багрового мужика с ножом в зубах, с острия которого капала кровь, олицетворявшего русский большевизм, и с подписью «Зачем голосовать против большевизма?», вошли во все исследования по французской истории XX в. Этот образ стал «визитной карточкой» предвыборной кампании 1919 г.

⁴⁵ *L'Homme Libre*, 18.I.1919.

ганизаций. Западные «максималисты» становились частью международного коммунистического движения, оформление которого произошло в Москве в марте 1919 г. на I (учредительном) Конгрессе Коммунистического Интернационала. Позиция солидарности французских левых социалистов и коммунистов с немецкими трудящимися, низвергнувшими в ходе революции власть кайзера и учредившими республику, ставила их вне рамок «национальных» партий. В резолюции, принятой I конгрессом Коминтерна, указывалось, что интернациональным долгом французской и немецкой компартий является ликвидация Версальского договора, а сам германский вопрос рассматривался исключительно под углом стратегических целей коммунистического движения. Так, во временной программе Коминтерна, принятой II Конгрессом в 1920 г., провозглашалось: «Союз крестьянской России и индустриальной Германии должен стать фундаментом мировой революции». Такой союз рассматривался важнейшим условием установления «диктатуры пролетариата во всемирном масштабе»⁴⁶. Ее приверженцами и апологетами выступали немногочисленные и разрозненные левосоциалистические, анархо-синдикалистские и коммунистические группы. Они громко обвиняли «буржуазные» партии и социалистов-реформистов в проведении империалистического курса и стремлении уничтожить революционные правительства в России, Венгрии, Германии. Такого рода заявления и угрозы во многом объясняют причины острой конфронтации правых партий и умеренных группировок (партии радикалов и партии республиканских социалистов) с одной стороны и левых — с другой.

Правые партии, организации патроната, предпринимательские союзы, активно участвовавшие в антибольшевистских и антигерманских акциях, придали идее единства нации ту интерпретацию, которая нашла воплощение в политических и идеологических постулатах Национального блока. Они также вобрали в себя стойкие представления об ответственности немцев за развязывание войны, ее оборонительном и освободительном характере для Франции, справедливости выплаты репарационных платежей агрессором, которые были широко распространены в различных слоях французского общества.

Формирование блока осуществлялось, как уже отмечалось, в условиях подъема массовых движений, тяжелого экономического положения страны, обострения борьбы в лагере победителей вокруг проблем послевоенного устройства. В этой связи большое место в избирательной кампании правых занимали вопросы «национального возрождения», предусматривавшие стабилизацию экономики и финансов, преодоление социальной напряженности, сохранение ведущих позиций в мировой политике, обеспечение безопасности с учетом трагического опыта войны. Решение этих задач в сложившейся обстановке предполагалось осуществить, прежде всего, за счет германских выплат и компенсаций со стороны большевистского правительства за национализированную в России собственность французских граждан.

Нападки на Германию особенно усилились во время работы Парижской мирной конференции. Официальные круги, политики правого и центристского толка, праворадикальные клерикально-монархические силы, подавляющая часть прессы призывали поддерживать деятельность своей делегации и сплотиться на платформе общих «справедливых» требований к Германии, добиться поддержки их союзниками. Практическим шагом в этом направлении стало проведение так называемого «Французского национального конгресса». В ходе избирательной кампании это было крупное политическое мероприятие, которое, однако, не нашло отражение в научной литературе. Материалы о созыве и работе конгресса публиковались в февральских и мартовских номерах газеты «Матен» за 1919 г. При всей тенденциозности информации, анализ деятельности конгресса дает представление о методах, которые использовались политическими силами для создания широкой «национальной» коалиции на надпартийной основе.

⁴⁶ Коммунистический Интернационал в документах (решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932). М., 1933, с. 17.

Работа конгресса проходила с 28 февраля по 2 марта 1919 г. Правая пресса объясняла его созыв волеизъявлением нации. Список участников открывали влиятельные организации патроната, их филиалы и объединения, хорошо известные в разных уголках страны: Союз экономических интересов, Объединение финансистов и предпринимателей, Федерация французской промышленности и сельского хозяйства, Федерация ассоциаций пострадавших департаментов и др., всего около полутора десятков. Кроме того были представлены многочисленные националистические лиги и союзы, созданные в годы войны: Федерация национальных лиг в защиту прав и интересов Франции, Антигерманский союз, Национальный комитет за тотальные репарации и компенсацию военных потерь, Лига патриотов (образованная еще до войны П. Деруледом), Объединение отцов и матерей павших героев, Товарищество ветеранов армии и флота, примерно более полусотни. В деятельности конгресса принимали участие представители монархической организации Аксьон франсез и Социалистического комитета за справедливый мир, Национального союза участников войны (самого крупного объединения ветеранов) и откровенно шовинистической Гражданской лиги⁴⁷, т.е. наряду с предпринимательскими союзами было представлено большинство политических и общественных организаций, По сообщениям прессы (видимо сильно преувеличенным) в работе конгресса участвовали более 300 лиг, ассоциаций и федераций, объединявших в своих рядах до 12 млн человек⁴⁸. По замыслу организаторов конгресс должен был способствовать заключению «справедливого и длительного мира путем получения репараций, применения санкций и выработки необходимых гарантий безопасности»⁴⁹.

Организаторы конгресса преследовали двоякую цель. Во-первых, параллельно с заседаниями Парижской мирной конференции тут же, в столице Франции, произошло открытие «Национального конгресса». По этому поводу «Матен» сообщала, что он призван «усилить твердость французской делегации в Версале» и «воздействовать на позицию союзников». Вторая, не менее значительная цель состояла в том, чтобы декларациями надпартийной политики гальванизировать идеи «священного единения», превратить их в тот идеологический стержень вокруг которого можно было объединить пестрый спектр политических сил в той или иной мере разделявших программные установки правых.

Аннексионистские требования, выдвинутые конгрессом: «разрушение немецкой целостности», т.е. расчленение Германии; оккупация правого берега Рейна, включение в состав Франции Саарского угольного бассейна; эксплуатация шахт и заводов Рура, отторжение Кильского канала, передача немецкого флота союзникам и раздел немецких колоний простирались далее того, чего добивалась (и добилась) официальная дипломатия на Парижской конференции. Ж.-Л. Бонне, руководитель Сенской федерации партии радикалов, председатель конгресса, призвал к согласованным действиям всех делегатов «независимо от классовой принадлежности, веры и взглядов» с целью закрепления в мирном договоре «французских требований»⁵⁰.

Резолюции, утвержденные конгрессом, нацеливали на проведение антигерманского и антисоветского курса. В знак солидарности с вооруженной интервенцией, осуществившейся державами Антанты, была одобрена резолюция «спасения России от преступной анархии» и «создания санитарного кордона против большевизма»⁵¹. Таким образом «Французский национальный конгресс» вылился в крупнейшую внепарламентскую акцию, использованную правыми для консолидации своих рядов. Решения конгресса декларировали, в первую очередь, сохранение устоев Республики и отпор «угрозе большевизма», исходившей от советской России.

⁴⁷ Le Matin, 28.II. — 3.III.1919.

⁴⁸ Le Matin, 28.II.1919.

⁴⁹ Le Matin, 15.II.1919.

⁵⁰ Le Matin, 28.II.1919.

⁵¹ Ibid.

Во внутривластическом плане главный удар был направлен против интернационалистских принципов социализма, которые отождествлялись с деятельностью левого крыла СФИО, коммунистических организаций и союзов, возникших во Франции под влиянием Русской революции и Коминтерна. Инициаторы «Национального конгресса», представляли пролетарский интернационализм местных «максималистов», как «нигилизм» и «отрицание родины», попыткой распространения чуждых для общества идей Коммунистического Интернационала. А. Франсуа-Понсе, один из лидеров и идеологов «правой», доказывал, что интернационализм в их понимании, направлен на «разрушение отечества», вместо того чтобы «усовершенствовать его»⁵². Пресса обвиняла коммунистов, социалистов и анархо-синдикалистов в том, что они защищают «агонизирующую» Германию⁵³. Орган клерикалов и националистов «Фигаро» писал о существовании партии, чья деятельность направлена на то, чтобы «увеличить трудности французскому правительству и его союзникам и облегчить участь врага»⁵⁴. При этом правые, поощряя фракционную борьбу в партии, огульно объявляли ее «большевистской».

Бурную реакцию в лагере правых вызывало то, что социалисты еще в процессе обсуждения договора с Германией на Парижской конференции, выступили с разоблачениями его империалистического характера. Так, философ Ш. Раппопорт, один из создателей ФКП и идеологов раннего (левого) французского коммунизма, усматривал в Версальском мире «заговор Клемансо и Ллойд Джорджа, направленный не только против жизни и независимости... этих извечных прав каждого народа, но и шагом к развязыванию новой, еще более кровопролитной войны»⁵⁵. Центром нападок стала фракция социалистов в парламенте, которая стремилась противостоять (не всегда последовательно, вследствие эрозии, усилившейся в рядах СФИО), ратификации договора.

На платформе борьбы против сторонников «коллективистского» уклада и «советов», как его политической оболочки, происходила консолидация пестрого спектра сил, заинтересованных в сохранении Республики, свобод, традиционных ценностей, в том числе ценностей собственности, семьи, религии, привычного быта и уклада. Следует иметь в виду и то, что чисто психологически основная масса французов не отошла еще от переживаний военного времени, потрясений Марны и Соммы, эвакуации столицы, обстрелов и штыковых атак, разрушенных национальных реликвий. На врагов из-за Рейна и местных «максималистов» возлагалась вина за покушение на святыни, почитаемые многими поколениями (такие как семья, вера, собственность, наследство, национальные реликвии, патриотический и гражданский долг, традиции свободомыслия и т.д.), что не могло не встретить понимания со стороны «среднего француза». В сложившейся ситуации подобные настроения весьма эффективно эксплуатировались правыми.

Начало организационному оформлению блока было положено на совещании 5 октября 1919 г. в Париже. В нем приняли участие главные политические формирования «правой»: Республиканская Федерация и Республиканско-демократический альянс (Демократический альянс, как его нередко называли), а также Либеральное действие, которое входило в состав Республиканской Федерации. Они составляли костяк партийно-политической системы Третьей республики и участвовали в формировании практически всех правительственных кабинетов⁵⁶. О своей приверженности курсу «правой» объявило руководство Республиканского комитета торговли, промышленности и сельского хозяйства — предпринимательского союза, созданного сенатором А. Маскьюро. В совещании приняли участие «национально-социа-

⁵² *François-Poncet A.* Op. cit., p. 67—68.

⁵³ *Le Temps*, 18.III.1919.

⁵⁴ *Le Figaro*, 16.I.1919.

⁵⁵ *Rapport Ch.* La Révolution mondiale. Paris, 1921, p. 159—160.

⁵⁶ *Рубинский Ю. И.* Политические партии и государство во Франции в эпоху Третьей республики, с. 485—517.

листическая партия» Г. Эрве, отмежевываясь от СФИО и ее интернационалистско-пацифистской платформы, ряд организаций, блоков и союзов менеджеров и управленцев, созданных уже в ходе подготовки к выборам — «Новая демократия» и «Синдикальный союз технических служащих», представители «социального католицизма» и «христианской демократии» — реформационных течений в католицизме, образовавшие после войны собственную партию — «Четвертая республика», ведомую харизматичным лидером Марком Санье.

Необходимо отметить, что сходство устремлений участников совещания, не могло устранить расхождений в программах, установках и тактических принципах представленных организаций. Ведущие партии Третьей республики по-прежнему оставались расколотыми. Между правыми, составившими политическое ядро блока, — с одной стороны, и радикалами и республиканскими социалистами — с другой, не говоря уже о социалистах, сохранялись существенные расхождения относительно кардинальных вопросов послевоенного устройства.

Речь шла, в первую очередь, о путях преодоления хозяйственных и финансовых трудностей, достижения социального умиротворения. Представители Республиканской Федерации, Демократического альянса и организаций патроната подвергли нападкам правительство Клемансо «справа», обвиняя его в неспособности организовать производство и должным образом использовать преимущества «свободного» капитализма. Они выступили против «этатизма», т.е. государственного контроля в хозяйственном секторе, введенного в годы войны; «анархии», которая по выражению руководителя фракции «республиканско-демократического согласия» Ф. Араго, процветала на контролируемых правительством железных дорогах. Правыми в парламенте был поставлен вопрос о нецелесообразности сохранения механизмов регулирования экономической жизни военных лет, на чем особенно настаивали руководители патроната и заинтересованных предпринимательских групп. Основой экономики, доказывали они, должен оставаться «мощный стимул личного интереса». Представители деловых кругов и политические лидеры «правой» требовали также отказа правительства от дополнительного налогообложения прибылей, которое практиковалось в годы войны, усматривая в этом причины «дезорганизации экономики». Финансирование реконструкции предусматривалось прежде всего за счет немецких репараций. «Поскольку немцы разрушили Францию, они должны ее восстановить», — озвучил в палате общераспространенное мнение один из лидеров Республиканской Федерации Ж. Боннефу⁵⁷.

В подходе к решению проблем «рабочей политики» деятели Республиканской Федерации и Демократического альянса добивались ликвидации, как они утверждали, «чрезвычайных» прав профсоюзов, якобы вырванных последними у правительства в экстремальных обстоятельствах военного времени. Не заставила себя ждать и реакция на некоторые новации в сфере трудового законодательства, ставшие своеобразным вознаграждением рабочим за добросовестное исполнение «патриотического долга» в годы войны. В марте — апреле 1919 г. правые, исходя из соображений момента, вынуждены были проголосовать вместе с представителями центристских и левых фракций, за утверждение чрезвычайных декретов, внесенных правительством Ж. Клемансо. Декреты официально закрепляли 8-часовой рабочий день в различных отраслях производства (кроме железнодорожного транспорта), права синдикальных организаций, использование арбитражных комиссий при разрешении трудовых конфликтов и т.д.⁵⁸ Вместе с тем в условиях послевоенного экономического спада значительная часть правых считала закон о 8-часовом рабочем дне «несвоевременной мерой», чреватой ростом дороговизны жизни⁵⁹.

⁵⁷ Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Première partie. Paris, 1920, p. 444.

⁵⁸ Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Deuxième partie, p. 1802—1803.

⁵⁹ Le Matin, 10.VII.1919.

Согласившись в конечном счете с его легализацией, деятели «правой», чиновники министерства и предприниматели требовали от работников и их профсоюзных организаций приспособиться к внедрению в экономику «рациональных методов труда» и новой техники, чтобы «продукция быстро достигла уровня необходимого для благосостояния страны». Реально это означало усиление интенсификации труда и повышение производственных норм, что должно было компенсировать потери от уменьшения рабочего времени.

В отличие от правых партий, группы умеренных и левых республиканцев, как и социалисты, усматривали причины конфликтов на производстве и падение жизненного уровня не в введении 8-часового рабочего дня, а в экономической политике правительства. Они доказывали, что она направлена на создание благоприятных условий для получения крупными компаниями чрезмерных прибылей. Радикал А. де Монзи, в этой связи, называл лоббистов таких компаний в парламенте и правительстве Клемансо «творцами дороговизны»⁶⁰.

Радикалы, по традиции, отводили государству роль верховного арбитра. В то же время их отношение к принципу этатизма было неоднозначным. В партии понимали необходимость государственной поддержки производителя, но не столько крупного, сколько среднего и мелкого. Поэтому парламентская фракция радикалов, в большинстве своем, настаивала на сохранении государственного контроля над стратегическими отраслями и там, где это было оправдано. На съезде партии радикалов в марте 1919 г. прозвучали голоса, осуждающие политику «эгоизма и прибылей» крупных производителей. Выдвигались требования введения прогрессивного налога; много говорилось об опасности социального взрыва, прежде всего в связи с тяжелым положением, в котором оказалось хозяйство и массы занятых в нем людей. Многие выступавшие указывали на рост недовольства в департаментах, опустошенных войной. В сфере социальной радикалы рекомендовали расширить участие рабочих в прибылях, сделать их «настоящими сотрудниками в ассоциации труда и капитала... необходимой сегодня как никогда»⁶¹.

Другим источником разногласий оставалось отношение к политическим институтам и режиму Третьей республики. Столкновения на этой почве являлись скорее данью традиции, унаследованной с конца XIX в., когда влиятельные круги правых, вместе с клерикалами и роялистами, выступали за реставрацию монархии (особенно в период буланжистского движения, панамского кризиса и дела Дрейфуса). Теперь же расхождения в трактовке действительности республиканских институтов были вызваны требованиями установления «сильной власти», исходившими со стороны правых и части умеренных партий, без которой, доказывали ее апологеты, невозможен отпор большевизму, преодоление трудностей и осуществление преобразований.

Следует отметить, что с окончанием войны подавляющая часть французского правящего класса оставалась приверженной республиканским и демократическим ценностям. В программных заявлениях практически всех политических сил, за исключением левых социалистов, коммунистов и монархистов, защита гражданских прав, свобод и республиканских институтов, включая «неукоснительное соблюдение» светского законодательства, о чем в своем большом предвыборном выступлении в Страсбурге 4 ноября 1919 г. говорил премьер Ж. Клемансо⁶², оставались приоритетными. Однако в условиях активизации массовых движений в политических кругах «правой» считали необходимым использование таких методов наведения общественного порядка, которые нередко шли вразрез с декларируемыми свободами.

⁶⁰ Le Matin, 19.II.1919.

⁶¹ Le Matin, 14.III.1919.

⁶² Discours prononcé par G. Clemenceau, Président du Conseil, Ministre de la Guerre à Strasbourg le 4 Novembre 1919. Paris, 1919, p. 13—14.

В целом, все французские партии, за исключением крайне правых (монархисты, клерикалы) и крайне левых (левые социалисты, анархо-синдикалисты) декларировали лояльность режиму Третьей республики. В ходе развернувшейся избирательной кампании основные политические силы сосредоточились на развенчании курса последователей кайзера, направленного на саботаж версальских решений. В стране насаждался тезис, что вопреки победе, угроза со стороны германского империализма и милитаризма не устранена, что протагонистом такого курса является и новообразованная веймарская коалиция. Другой реальной угрозой объявлялся большевизм, проникавший в ослабленную войной Европу в облики коммунистических партий. Большевизм воспринимался и трактовался как продукт немецких интриг и Русской революции, как явление, чуждое французским традициям. В большевиках и их приверженцах во Франции видели пособников немецких рваншистов, стремившихся к разрушению национального единства, цивилизационных основ и демократических завоеваний Республики. Это создавало благоприятную почву для консолидации разношерстных политических сил против социалистов в набравшей силу предвыборной борьбе.

Создание избирательного блока в защиту французских ценностей, традиций, республиканского режима, отпора внутренним и внешним врагам на парижском совещании было поставлено в повестку дня. Одно из первых сообщений на эту тему содержалось в передовой «Матен» от 6 октября 1919 г. В ней, в частности, уведомлялось, что «десять республиканских группировок, собравшихся вчера на совместное заседание (конгресс) образовали национальный блок... Его программа — союз против большевизма». В свою очередь предложение Р. Сансери о максимальном расширении блока за счет роялистских группировок поддержки не получило. Зато была принята резолюция о приглашении в альянс партии радикал-социалистов. В утвержденной повестке дня создававшееся объединение квалифицировалось как республиканский антибольшевистский блок. Присутствовавшие на заседании делегаты в специальной декларации призвали всех граждан объединиться против большевизма, «представленного объединенной социалистической партией», во имя возрождения Франции, сохранения завоеваний Республики и защиты всех политических свобод. «Именно враждебность социализму и коммунизму служили основой союза», — отмечали либеральные историки Ж.-П. Азема и М. Винок⁶³.

На заседаниях избранного делегатами Исполнительного комитета под председательством лидера Демократического альянса А. Карно, 12 и 13 октября согласовывались пункты предвыборной программы. Участие в деятельности комитета представителей ряда федераций партии радикалов и партии республиканских социалистов привело к замене названия коалиции на «Национально-республиканский блок».

На заключительном заседании 20 октября была принята избирательная программа. По большинству программных вопросов правые навязали свою линию. Ж. Шастене по этому поводу констатировал, что правые, во главе с А. Карно настаивали на «твердой защите частной инициативы, запрещении создания какой-либо новой государственной монополии или национализации»⁶⁴.

В целом предвыборный манифест Национального блока носил компромиссный характер и был выдержан в умеренных тонах. В преамбуле, ввиду сохранявшихся разногласий, декларировалась «полная независимость программ» партий и организаций, вошедших в состав коалиции. Подчеркивалось, что «картель отбрасывает и клеймит любой альянс с реакцией или революцией и рекомендует выборщикам — республиканцам во всех избирательных округах объединяться, чтобы отстаивать следующие требования: абсолютную светскость государства и школы... уважение и развитие социальных законов и синдикальных свобод; ведения борьбы против

⁶³ Azéma J.-P., Winock M. Op. cit., p. 201.

⁶⁴ Chasteney J. Cent ans de République. T. 5. Les années d'illusions, p. 6.

большевизма, какой-либо диктатуры и всяких форм насилия, восстановления разрушенных районов, компенсации потерь жертвам войны; расширение коммунальных свобод; увеличение национальных ресурсов посредством труда, противодействия тяжелому налоговому бремени. Далее шли пункты: способствовать развитию сельского хозяйства, осуществлению технической модернизации; реорганизации общего и профессионального образования в демократическом духе; сокращению сроков военной службы в размерах, совместимых с национальной безопасностью; расширению полномочий и путей воздействия Лиги Наций⁶⁵.

Особенностью кампании 1919 г. было то, что в ней принимали активное участие предпринимательские союзы и организации. Предпринимательские организации выступили на выборах с собственной платформой. Она была напечатана в номере «Матен» за 8 апреля 1919 г. как программа Союза экономических интересов и Конфедерации коммерческих и промышленных групп и составила, как бы, экономический раздел манифеста Национального блока. Главное внимание в программе уделялось социально-экономическим проблемам. В первой статье декларировалось кредо французского патроната: защита частной собственности и частной инициативы; «свобода сельского хозяйства, торговли, индустрии и труда». Этот пункт подразумевал коммерциализацию всех видов деятельности и услуг, свободу союзов, как предпринимательских, так и рабочих и, в первую очередь, демонтаж созданного в годы войны механизма государственного контроля и регулирования.

В духе этого «символа веры» шли запреты на создание государственных монополий и вмешательства в «управление частными предприятиями», ограничение налогообложения прибылей от коммерческой деятельности. Программа Союза предусматривала усиление роли предпринимательских организаций в решении экономических вопросов, в частности, «обязательных консультаций администрации с торговыми палатами, предпринимательскими союзами и экономическими группами в подготовке законопроектов, связанных с экономической жизнью страны».

В сфере социальных отношений, пункт 7-й декларировал «союз капитала и труда», «сближение интересов служащих, работников и работодателей», «разрешение вопросов, которые возникают между ними в духе согласия, свободы и прогресса»⁶⁶.

После согласования всех пунктов программы, дополненной положениями Союза экономических интересов, правые добились относительного сплочения своих рядов. Это давало им определенные преимущества, особенно после утверждения 12 июля парламентом нового избирательного закона, вводившего аналог пропорциональной системы с «бонусами» большинству. (Список, за который проголосовало абсолютное большинство избирателей, проводил в палату всех кандидатов, а пропорциональное разделение сохранялось при наличии относительного большинства).

В общенациональном масштабе создание предвыборной коалиции на базе программы блока осуществлялось через провинциальные филиалы и комитеты партий практически во всех департаментах. Вместе с тем официальная программа не отображала всей остроты момента. Так, в афише, опубликованной в колонке националистической «Голуа» (в общем издании партий блока — «Пресс де Пари»), опубликованной накануне выборов, содержались следующие призывы к избирателям:

- Хотите ли вы уберечь Францию от судьбы России? — избежать диктатуры Лонге (один из руководителей социалистической партии. — Б. А.) — Ленина?
- Получить власть, способную уважать завоеванную свободу и собственность?
- Сохранить Франции границы, восстановленные столь дорогой ценой?
- Иметь парламент, олицетворяющий порядок или же получить совет, который разрушит фундамент двухтысячелетней цивилизации?
- Спасти страну от краха?

⁶⁵ Le Matin, 25.X.1919.

⁶⁶ Le Matin, 8.IV.1919.

- Восстановить национальную индустрию?
  - Освободить народ от экономического закабаления, связанного с угрозой развития немецкого производства?
  - Сохранить патронату его права, пролетариату его свободы и обеспечить необходимое и справедливое согласие между трудом и капиталом?
  - Желаете ли вы, капиталисты, промышленники, коммерсанты и вы, живущие за счет умственного и физического труда, продолжить собственное дело, а потом передать детям плоды ваших трудов и наследие ваших родителей?
  - Хотите ли реализации ваших законных прав в условиях стабильности и порядка?
  - Желаете ли вы, католики, протестанты, иудеи, верующие всех конфессий, продолжать свободно пользоваться вашей церковью и воспитывать ваших детей в соответствии с вашими традициями и принципами?
- Голосуйте против большевиков! Это наша программа!⁶⁷

Именно в такой форме, исчерпывающе и выразительно, излагались в этой газете «истинных» галлов цели Национального блока. Тут заметно стремление привязать к его платформе все частнособственнические элементы, трудящихся, интеллигенцию, всех противников революции. Одновременно откровенно выдвигались претензии к Германии, фактически оправдывалось право завоевателей на расширение за счет врага границ, указывалось на опасность экономического закабаления, если не воспрепятствовать развитию немецкой индустрии. Все эти требования подавались вместе с отчаянными уверениями в приверженности внутреннему гражданскому миру и спокойствию, партнерству интересов работников и работодателей, объединению всех слоев и категорий французского общества, представителей всех конфессий на платформе борьбы против большевизма.

* * *

Политические коллизии избирательной кампании 1919 г. во Франции отражали существенные изменения в массовом сознании и настрое общества, обусловленные потрясениями военных лет. Очередное, за жизнь одного поколения, вторжение германского агрессора, оккупация наиболее развитых восточных департаментов, судьбоносные битвы, от исхода которых зависели судьбы Отечества, огромные жертвы и разрушения сформировали стойкий образ врага. В массовом и индивидуальном сознании немцы, как слепое орудие кайзеровского милитаризма, несли главную ответственность за постигшую французский народ трагедию. Великая война 1914—1918 гг. воспринималась в различных слоях общества как национальная и освободительная, как война свободолюбивой, демократической Французской республики против абсолютизма и деспотизма кайзеровской Германии. Правящая элита, инспирируя и обыгрывая эти представления, стремилась превратить их в политический капитал. Варьируемый на все лады образ врага, накладывал сильнейший отпечаток на разгоравшуюся в стране предвыборную борьбу. Наиболее активно и эффективно он использовался широким спектром правых сил, пропагандировавших политику реванша еще со времен проигранной франко-прусской войны 1870—1871 гг. Требования суда над немецкими военными преступниками, включая кайзера, сохранения «плодов победы», компенсации за причиненный ущерб и не допущении впредь повторения случившейся драмы, были созвучны внутренним убеждениям и настроениям подавляющей массы избирателей.

Другим важным фактором, который наряду с немецкой фобией оказался в центре предвыборной борьбы и поощрял концентрацию вокруг правых значительной части избирателей, являлись масштабные антибольшевистские кампании. Они укладывались в прокламируемые тезисы о судьбоносности предстоящего выбора

⁶⁷ La Presse de Paris, 13.XI.1919.

и должны были убедить избирателя в пагубности революционной перспективы по русскому образцу для такой цивилизованной страны, как Франция.

На некоторое время, исходя из конъюнктуры момента, в рядах Национального блока сошлись правые, значительная часть центристских (радикалы, республиканские социалисты, группы христианской демократии) партий и организаций, позиции которых по вопросам послевоенного развития существенно расходились. Правая часть этой пестрой и аморфной коалиции, понимая необходимость реформ, оставалась в целом приверженной консервативным ценностям, в том числе в вопросах характера власти, управления, внутренней и внешней политики. Умеренные республиканские группировки либерального толка стремились приспособить принципы формальной демократии к новым обстоятельствам, все более склоняясь к признанию роли социального фактора.

Защитная реакция главных политических сил на вызовы, порожденные войной и послевоенными переменами, принесли успех Национальному блоку. Однако уже при формировании парламентского большинства и правительства проявился его эклектичный и неоднородный характер. Это обусловило наличие сильных центробежных тенденций внутри блока и нарастание противоречий в политических кругах и обществе как реакции на первые правительственные акции правых (введение режима «жесткой экономии», рост налогообложения средних слоев и увеличение субсидирования организаций патроната, приумноживших свой потенциал в годы войны).

В 1924 г. в результате новых парламентских выборов правые уступили бразды правления Левому блоку — коалиции умеренных (центристских) партий с социалистами, при доминировании партии радикалов. В 1926 г. — правые вновь возвратились к власти под лозунгами «национального единения». В 30-х годах страна пережила эпопею Народного фронта, опиравшегося на поддержку ФКП. Накануне войны политический маятник вновь качнулся вправо. В то же время постулаты Национального блока, прежде всего его притязания к Германии, к этому времени сменились беспринципными уступками Третьему рейху, что вело к разрушению Версальского договора и Версальской системы. Это обусловило череду политических и социальных кризисов, неустойчивость международных позиций страны, крах «политики союзов». Обострение внутренней борьбы в обстановке развернувшейся гитлеровской агрессии во многом предопределило поражение Франции уже в начальный период Второй мировой войны от рук того же врага, над которым она торжествовала победу в 1918 г.

Правые, воспользовавшиеся на первых послевоенных выборах естественной реакцией общества, вышедшего из войны, для возвращения к власти, не сумели обеспечить в наиболее важный и решающий переходный период к миру, ни гарантий безопасности, ни воспользоваться «плодами победы». Дальнейшие политические коллизии и потрясения стали следствием неурегулированности проблем, порожденных мировой войной.